

Когда Чжоу-гэр изливал душу, Фан Цзычэнь стоял за дверью и слышал всё до последнего слова. Друг мужа не делал из своего горя тайны, да и Цзычэнь не был из тех, кто разносит сплетни, словно базарная торговка, поэтому Чжао-гэр без опаски пересказал ему весь разговор.

Фан Цзычэнь лишь многозначительно хмыкнул, заложив руки за голову. В тонкостях местных обычаев он, может, и разбирался слабо, но соображал почище многих.

— Скажи-ка мне, почему это мать Чжоу-гэра не звала его домой ни раньше, ни позже, а пришла именно сейчас?

— Раньше по хозяйству помогал дядя Лю, — предположил Чжао-гэр. — А теперь он повредил ногу и не может даже с кровати встать. Чжоу-гэру приходится тянуть всё на себе, за эти полмесяца он так осунулся... Наверное, дядя Чжоу и тётушка Ли просто пожалели его.

Это было слишком простодушно.

— Сомневаюсь, что дело в жалости, — отрезал Фан Цзычэнь.

Юноша удивленно посмотрел на него.

— Если бы они и впрямь жалели его, то как родные родители должны были бы понимать, что он чувствует, — пояснил Цзычэнь. — Любой здравомыслящий человек видит, как он дорожит Лю-лю. Уговаривать его бросить единственное дитя ради нового замужества — всё равно что сердце заживо вырывать. Будь я на месте дяди Чжоу, если бы я и вправду любил своего гэра, у меня бы рука не поднялась так с ним поступить. К тому же, дядя Лю травмировался больше двух недель назад. Почему они не звали сына в первый же день, а явились только сейчас?

Чжао-гэр задумался: в словах мужа была горькая правда. Вспоминая рассказ друга, он тоже подметил странность — тётушка Ли не торопилась с замужеством, предлагая просто «пожить дома и присмотреться». Но Чжоу-гэр уже не мальчик. В этом возрасте гэрам непросто зачать, а выйти замуж второй раз — задача и без того не из легких. С каждым годом шансы таяли. О чем же думала его мать?

Цзычэнь легонько коснулся пальцем переносицы супруга.

— Не хмурься, тебе не идет.

— Ты что, уже и во мне сомневаешься? — Чжао-гэр шутливо ущипнул его за кадык. — И всё же, муж, как ты думаешь, что у тётушки Ли на уме?

— Чжоу-гэр поставляет овощи в «Башню Пьяной Ночи», — спокойно ответил Фан Цзычэнь. — Полагаю, его родню просто-напросто задушила жаба.

Его собеседник так и замер.

— Нет... Быть не может!

— Почему же? В деревне и так болтают, будто я помогаю ему только из-за тебя. — Цзычэнь принялся раскладывать всё по полочкам. — Каждый день он возит овощи в ресторан и выручает по тридцать-сорок медяков. В месяц набегает не меньше одного серебряного лян. Думаешь, его родители могут спокойно смотреть на такие деньги? Дядя Ян согласился брать товар только потому, что знает этого человека лично. Если он вернется в отчий дом, семья Лю потеряет этот доход, и денежный поток потечет напрямик в карман семьи Чжоу. Разведенный гэр снова считается частью своей семьи, а значит, и деньги, вырученные с их земли, он обязан будет отдавать родителям.

Семья Чжоу хотела превратить сына в бездонную копилку. Чжао-гэр смотрел на мужа с нескрываемым ужасом.

— Как же так... Неужели люди могут быть такими?

Однако, если вдуматься, все детали пазла сходились. Пока Чжоу-гэру было тяжело, дядя Чжоу и тётушка Ли и пальцем не пошевелили, чтобы помочь. А стоило ему встать на ноги, как они тут же явились с «заботой», в которой отчетливо слышался звон монет. В деревне, где здоровые мужики вкалывают до седьмого пота и не видят таких денег, целый лян в месяц — повод для жгучей зависти.

— Спи уже, — Фан Цзычэнь притянул его к себе. — Завтра вставать ни свет ни заря. Чжоу-гэр не дурак, сам разберется, в какую сторону ему идти — на восток или на запад. Мы тут бессильны.

— Он мой лучший друг, — тихо проговорил Чжао-гэр, обнимая мужа за талию. — Когда меня только продали в семью Ма, деревенские дети даже смотреть в мою сторону не хотели.

Он начал вполголоса рассказывать о своем детстве. Тогда мальчику было всего семь лет — самый возраст для игр. Видя, как сверстники весело носятся стайками, он не мог не завидовать. В деревне дети с малых лет помогают по дому: косят траву для свиней, собирают дикие овощи, стирают белье. Девочки и гэры всегда ходили на речку вместе, болтая и смеясь, и только он всегда оставался один. Юноша пытался заговорить с ними, но те лишь отворачивались. Только Лю Сяовэнь и Чжоу-гэр не гнали его. Они были постарше и, видя, как городской ребенок, не привыкший к тяжелому труду, мучается с неподъемной корзиной, всегда приходили на помощь, чтобы его не побили дома за невыполненную работу.

Лю Сяовэнь и Чжоу-гэр стали его единственными товарищами. Время, проведенное с ними,

было редкой передышкой в череде бесконечных забот — единственным лучом света в те беспросветные годы. Теперь Сяовэнь сгинул где-то на границе, и единственным близким человеком для него остался Чжоу-гэр.

Фан Цзычэнь вздохнул, чувствуя, как в груди разливается глухая боль. Когда любишь человека, не можешь равнодушно слушать о его обидах, даже если они остались в далеком прошлом. В тишине ночи рассказы Чжао-гэра о том, как его травили и унижали, кололи сердце тысячью мелких игл.

Он ласково провел рукой по спине мужа, задерживаясь на пояснице, и прижался щекой к его лицу. Его дыхание было горячим.

— Всё это в прошлом, — негромко проговорил он. — Главное, что теперь ты не один. А Чжоу-гэра мы просто предупредим, этого будет достаточно.

Чжао-гэр прикрыл глаза и коснулся губами его подбородка.

— Хорошо.

В конце концов, каждый сам кует свое счастье. Помочь можно лишь тому, кто готов эту помощь принять.

На следующее утро Чжао-гэр поднялся еще до рассвета. Стоило ему зашуршать одеждой, как «король сонь» тоже заворочался.

— Я тебя разбудил? — Чжао-гэр попытался уложить его обратно. — Спи еще, до зари далеко.

Фан Цзычэнь, всё еще пребывая в полудреме, потер виски.

— Я пойду с тобой. Нужно помочь.

Набивать кровяную колбасу в одиночку было сущей мукой, тут требовалась вторая пара рук. Сердце Чжао-гэра наполнилось теплом. Он протянул мужу одежду:

— Тогда одевайся, а я принесу воды для умывания.

Утренняя прохлада бодрила. Стоило плеснуть в лицо холодной водой, как остатки сна мгновенно улетучились. Было около трех утра. Гуай-цзай мирно посапывал в своей постели, пока родители хлопотали у плиты при тусклом свете очага. Дело спорилось — опыт брал свое.

Когда последняя партия колбасы отправилась в котел, в деревне запели первые петухи.

Чжао-гэр вытер руки:

— Кашу варить уже некогда. Может, я быстро лапши на всех приготовлю?

Цзычэнь, изрядно уставший от утренней вахты, отрицательно покачал головой:

— Не надо, поедим колбасы. — Однако, проявив несвойственную ему заботливость, добавил: — А ты сам хочешь? Если хочешь, я могу сварить.

Третий молодой господин Фан и кулинария были понятиями несовместимыми. До появления в этой глуши он и половника в руках не держал. Он предложил это лишь из вежливости, будучи уверенным, что Чжао-гэр откажется...

— Ой, правда? — Юноша просиял и сладко улыбнулся. — С удовольствием! Очень хочу.

Фан Цзычэнь на мгновение лишился дара речи.

— Ты... ты это серьезно?

Чжао-гэр продолжал улыбаться:

— Конечно! Хочу попробовать твою лапшу.

Цзычэнь почувствовал, как задергался глаз. Хвастаться дальше было опасно. Он кашлянул и, решив сменить тактику, честно признался:

— Лапша — это невкусно. Если есть её каждый день, заработаешь истощение. Давай-ка сегодня без неё. Будь умницей, твой муж сварит тебе яиц.

Колбаса еще кипела. Он вымыл пару яиц и просто закинул их в тот же котел. Проще некуда. Чжао-гэр плотно сжал губы, едва сдерживая смех. Он-то прекрасно знал, что Фан Цзычэнь в готовке смыслит не больше ребенка. Тот даже огурцы нарезать не умел: в прошлый раз, когда он попытался их раздавить ножом по методу тётушки Лю, огурец срикошетил и улетел напрямиком в дровяной склад.

Колбаса варилась долго. Фан Цзычэнь вспомнил, что дядя Ян просил его сегодня прийти пораньше — хозяин заведения собирался заехать с какими-то поручениями. Нужно было успеть к половине восьмого. Цзычэнь не мог ждать супруга, поэтому, наскоро вымыв руки, собрался в путь. Чжао-гэр завернул горячие яйца в капустный лист и протянул ему:

— Перекусишь по дороге. Время еще есть, не беги сломя голову.

Было около шести утра, так что спешить действительно не стоило.

— Вези Гуай-цзя на Западную улицу, там народу побольше. В другие места не ходи, понял? — наказал Фан Цзычэнь.

— Понял, не волнуйся, — кивнул Чжао-гэр.

Фан Цзычэнь вышел за ворота, пожеывая яйцо. У самого выезда из деревни с тропинки, ведущей с горы, спустился человек. Он нес на спине такую огромную охапку хвороста, что из-за неё не было видно даже головы, а высокая придорожная трава окончательно скрывала носильщика.

«Надо же, какой работяга, — подумал Цзычэнь. — Столько дров набрал, видать, еще затемно в лес ушел». Эта сцена невольно напомнила ему Чжао-гэра в первые дни их знакомства — тот тоже вскакивал ни свет ни заря, возвращаясь из леса насквозь промокшим от росы.

— Ой! — внезапно раздалось слева.

Погруженный в свои мысли, Цзычэнь не сразу заметил, как человек поскользнулся на влажной траве и кубарем покатился в канаву. Тяжелая вязанка хвороста рухнула прямо на него. Сяо Фэн так приложился, что в глазах заплескали искры. Дно канавы было каменистым и неровным, спину нещадно кололо, а дрова придавили его так сильно, что он не мог даже вздохнуть. После нескольких безуспешных попыток выбраться он бессильно замер.

— Ты как, цел? — послышался голос сверху.

Цзычэнь прыгнул вниз и отбросил дрова в сторону. К его удивлению, в канаве лежал совсем щуплый, изможденный ребенок. Одежда на нем была в лохмотьях и явно мала — рукава и штанины едва доходили до суставов. Тонкие ноги, перепачканные грязью, казались такими хрупкими, что, казалось, их можно было переломить одним движением.

Фан Цзычэнь не считал себя жалостливым, но этот замарашка почему-то напомнил ему и Чжао-гэра, и маленького Гуай-цзя. В груди неприятно кольнуло. Сяо Фэн кое-как выбрался из канавы и, низко поклонившись, пролепетал:

— Спа... спасибо... дядя... дядя Фан.

Цзычэнь оторопел.

— Ты меня знаешь? — Он был уверен, что видит этого ребенка впервые.

— Угу! — Сяо Фэн кивнул, явно смущаясь. Его правая туфля совсем развалилась, и он старался поджать пальцы ног, пытаясь скрыть дыру. — Вы... вы же муж... дяди... дяди Чжао.

Значит, он знал Чжао-гэра. Мальчик говорил с таким трудом, что Фан Цзычэню стало не по себе от одного только слушания. Он ободряюще улыбнулся:

— Да не бойся ты так, я не кусаюсь.

— Я... я и не... не бо... боюсь, — ответил Сяо Фэн.

Цзычэнь усмехнулся:

— Как же не боишься, если у тебя слова в горле застревают?

Мальчик честно посмотрел на него:

— Я... я и вправду... Сяо... Сяо Фэн... заика.

Фан Цзычэнь лишь молча развел руками.

<http://bllate.org/book/15357/1433503>